

АКТУАЛЬНОСТЬ ДНЕВНИКОВ АЛЕКСАНДРА ШМЕМАНА В ГОД СТОЛЕТИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Н.А. Мининков
Южный федеральный университет

Аннотация: Публикация дневников Александра Шмемана позволяет ознакомиться с церковной жизнью русской эмиграции. Она даёт возможность понять личность выдающегося мыслителя и оценки им процессов, происходивших в 1973–1983 гг. в эмигрантской среде и в развитии советской культуры. Некоторые замечания А. Шмемана о процессах в жизни советского общества, о молодёжи и о миссии церкви очень точны и представляют значительный интерес. Это касается его замечаний по поводу нового славянофильства в СССР, о молодёжном конформизме, о церковной архаике. По оценке В.П. Макаренко, А. Шмеман выступал как радикальный контестатор. Это может дать представление о возможном месте личности в современном российском обществе, находящемся в историческом тупике.

Ключевые слова: Дневники А. Шмемана, православная церковь в эмиграции.

Публикация дневников протоиерея Александра Шмемана не только даёт современному российскому читателю картину одной из сторон жизни нашей эмиграции. За последнее время вообще интерес к эмиграции, к русскому зарубежью и его культуре значительно вырос. Более того, для широкого читателя, не занимающегося профессионально вопросами истории эмиграции и ее интеллектуальных и нравственных поисков, по существу оказалась открытой такая сторона жизни соотечественников, что становится ясным, насколько интенсивно развивались разные стороны отечественной культуры в эмиграции, что отечественная культура далеко не только была сосредоточена в пределах Советской страны. Вместе с тем получалось так, что в центре внимания исследователей были такие направления в жизни русской эмиграции, как политические течения, как духовная культура и литература, как историческая мысль, а также участие ее в событиях второй мировой войны. Однако такая важная сторона жизни эмиграции, как церковная жизнь и место в русской культуре православного духовенства, остаётся менее известной.

Но при этом в наше время сложились предпосылки для того, чтобы интерес к жизни православной церкви и духовенства отошёл на задний план. Способствует этому сама церковь в нынешнем ее виде, поскольку она становится символом и активным проводником ориентации политического и идеологического руководства на архаизацию, на возрождение отживших традиций и форм жизни, в том числе на восстановление места православной

церкви как опоры существующего строя, как это было в Российской империи. И если симпатии к церкви как к структуре, потерпевшей за год советской власти, в первый период существования новой России были весьма велики, то за последние годы сохраняет эти симпатии уже значительно меньшая часть российского общества, чем ранее. Вместе с утратой симпатий снижается и интерес к прошлому церкви, в том числе и в эмиграции.

Все это совершенно очевидно. Но при таком отношении есть риск не заметить интересные явления культурной и интеллектуальной жизни, порождённые в эмиграции в церковной среде. К таким явлениям относятся дневники А. Шмемана. В этих дневниках, которые охватывают десять лет, с 1973 по 1983 гг., переданы мысли и чувства их автора от деятельности православной церкви за рубежом и от своей работы в том числе и на радио «Свобода», которое вещало на Советский Союз. Также в нем обращает на себя внимание тяга автора к встрече с людьми, приезжавшими из СССР, его огромное внимание к положению в нашей стране и к развивавшейся в ней культурной жизни, особенно к литературе на русском языке. В частности автор дневников давал высокую оценку произведений А. Солженицына. Но в то же время кажется, что им были несколько недооценены произведения А. Платонова, их внутренняя сила, заключённая в том числе в формах языка. Он также знаком с литературой, посвящённой теме массовых репрессий. Он хорошо знал, что писали А. Марченко, Л. Гинзбург, Н. Мандельштам, но, тем не менее, все ещё был способен поражаться прочитанному на эту тему. По его наблюдениям, и в эмигрантской среде встречались типы, которые могли бы стать идеальными чекистами. И при этом он искренне удивлялся, как, судя по этой литературе, в сознании советских людей разлито «послушание» «всякой советчине». По существу, А. Шмеманом, как автором, находившимся далеко от России, было очень чутко отмечено «торжество русинов — нео-нео-славянофилов». Совершенно очевидно, что в этом может быть очень интересная тема по истории советской идеологии и культуры времени застоя, когда заметно «выдыхалась» мобилизующая сила марксизма-ленинизма, когда партийные идеологи срочно искали то, чем можно было подкрепить загнивающие идеологические устои системы и находили ее в оживлении идеи русского национализма. Едва ли случайно в такой обстановке появляется феномен историка Н.Н. Яковлева с его книгой «1 августа 1914», где имело место разоблачение масонского заговора «против Великой России», а позже — скандально известного издания этого же автора «ЦРУ против СССР», причём, возможно, что с негласного одобрения самого Андропова. Едва ли случайно закладываются предпосылки активного развития русской национальной идеи, которое уже в годы перестройки, столь решительно проявит себя в журналах «Молодая гвардия» и «Наш современник». На почве своего отрицательного отношения к «возрождению» этой идеи и, по его словам, к «нео-нео-славянофильству» у А. Шмемана, между прочим, и возникли расхождения с А.И. Солженицыным, в своем «вермонтском заточении» высказывавшимся одобрительно в отношении к подобным идеям.

Постоянно думая о России, он видел ее неожиданное отражение в некоторых реалиях американской жизни. Едва ли кто мог так чётко выразить свое впечатление от увиденного им в музее президента США Ф. Рузвельта сталинского письма. По его словам, при первом уже взгляде на этот документ «сразу пахнуло зловонием этой кошмарной, дьявольской казённости, лжи, тупости. Этот „аристократ“ Рузвельт не понял, не знал, на что он обрекает миллионы людей, отдавая их Сталину», имея в виду передачу Советскому Союзу в конце второй мировой войны людей, стремившихся укрыться на Западе. Это было наблюдением весьма информированного, вдумчивого и внимательного человека, очень хорошо представлявшего собой условия жизни в сталинское время, даже при том, что сам он не бывал в Советском Союзе, и не хорошо знавшего, что этих людей на родине ожидали неизбежные репрессии.

Интерес к дневникам А. Шмемана может определяться также тем, как он воспринимал эмиграцию, а в контексте темы эмиграции — заметные явления своей жизни. Восприятие раннего, довоенного, начального, а затем парижского периода своей эмиграции вполне романтическое. Для него это тоже Россия. Причём разнообразная, церковно-бытовая, литературная, которая вынужденно оказалась на французской почве, вошла в рамки существовавших там отношений, но оставалась со своими воспоминаниями о прошлом на родной земле. Сюда же относятся наблюдения им за типами людей из русской эмиграции, офицером, священником, интеллигентом, который он оценивает как высокий образец нравственного и человеческого типа.

Рассуждения А. Шмемана об особенностях человека в раннем возрасте представляют интерес с точки зрения психологии и, несомненно, существенны для историков. Когда в современном историческом исследовании выделяется наряду с гендерной проблематикой проблематика личностной истории в разном возрасте, не могут не привлекать замечания автора дневников об особенностях возрастных типов человека, когда он выделял детство, молодость и взрослость. Он, например, отмечал, что Иисус Христос известен только как ребёнок и как взрослый, но о молодости его ничего не известно. Он решительно не принимал некоторые популярные и устоявшиеся характеристики молодости, например, такую, что молодёжь есть носительница истины и не терпит лицемерия. С этим положением А. Шмеман справедливо не оглашался, зная иные стороны молодёжной жизни. По его мнению, это возраст самый идолопоклоннический и самый лицемерный. Опыт советского и нынешнего времени даёт определённые основания для согласия с А. Шмеманом. В самом деле, молодёжь нередко умеет хорошо использовать возможности, которые открывает политическая ситуация, для своего рода «социального лифта», например, работу в комсомоле в советское время или участие в так называемом «патриотическом воспитании», от начала до конца пропитанном фальшью, лицемерием и приспособленчеством, в наши дни. Совершенно иная оценка у него детства, оно, в отличие от более зрелых возрастов, свободно, правдиво, в нём нет пошлости. Он полагал, что среди героев Л. Толстого ребёнок гениален, а взрослый глуп. У Достоевского, по его мнению, взрослость нестерпима, но писатель становится гениальным, когда отдаётся логике детства. Сущность взрослости среди европейских мыслителей он находил в К. Марксе и З. Фрейде, к которым относился с явной иронией, а к их идеям и теоретическим построениям с большим скепсисом. Оценки А. Шмемана представляют интерес для историка-исследователя, который опирается на сформулированный Х. Ортегой-и-Гассетом «метод поколений» для понимания процесса развития общества и распространённых в нём идей.

Как представляется, иное отношение у него к современной ему реальности жизни в эмиграции, в том числе к церковной жизни. Он далёк от идеализации церкви и даже религии, находит в религии свои противоречия, усматривает «фальшь пастырства». А. Шмеман подчёркивал, что ко всякой «церковности» он уже испытывал «настоящую аллергию». Так же вызывала его неприятие церковная традиционность и нарочитая архаика. Как он отмечал, «иногда кажется, что само Православие заросло идолами. Любовь к прошлому всегда ведёт к идолопоклонству, и только этим прошлым или, вернее, множеством „прошлых“ православные часто живут. В них прочно сидит старообрядец». Вообще такой тенденции в развитии современного ему мира, как наступление архаики, он придавал большое значение и выражал в связи с этим свои серьёзные опасения. В этом, возможно, было проявление его чуткости и прозорливости, поскольку среди явлений культуры семидесятых годов на первом плане было не это, но появление постмодернизма. Тем не менее, постмодернизм вполне уживался с культурной архаикой, и это давало ему основание заявить, что «новое средневековье» «неизбежно». Видел он его «в советско-китайском обличье». Он тем самым в зародыше видел чер-

ты архаизации, которые станут махровыми уже в постсоветский период, в России начала нынешнего столетия, когда мы наблюдаем настойчивое стремление православной церкви внедряться в общественную жизнь, а православное христианство перевести на положение государственной религии, причём в российском весьма слабо религиозном обществе.

Такой церковности и архаизации он противопоставляет идею настоящей веры, или «веры в простоте», «радостной, целостной и освобождающей». Возможно, что в этом имеет место своеобразная переключка с идеями и мыслями Л. Толстого, который также не терпел фальшь, «срывал все и всяческие маски», и противопоставлял фальши простоту. Вопрос о том, насколько близок был А. Шмеман к Л. Толстому, был ли он толстовцем в традиционном смысле, разделяя ли он то, что нередко называется «толстовщиной» — особый вопрос на стыке философии и изучения жизни и творчества Л. Толстого. Он представляет значительный интерес не только для философии и истории русской литературы, но и для получения более чёткого представления об эпохе, в которой развёртывались жизнь и творчество Л. Толстого.

А. Шмеман как «радикальный контестатор» — таким представляет автора дневников В.П. Макаренко. Разъясняя это понятие, он подчёркивал, что в нем не просто протест против определённой действительности. В этом понятии также имеется существенный момент утверждения определённых начал, которые близки выразителю этого протеста. Как подчёркивал В.П. Макаренко, радикальный контестатор отчуждает себя от «большинства». Для А. Шмемана таким «большинством» была церковная среда, окружавшая его, в которой он сам находился, но отчётливо видел ее недостатки. Другой средой, к которой принадлежал автор дневников, была советская эмиграция третьего поколения, покинувшая страну, но пропитанная при этом советскими началами. Он отрицает попытку какого-либо влияния на себя, разочаровывается в той социальной роли, которую он выбрал, в роли священника. Возникает вопрос, что же утверждает радикальный контестатор А. Шмеман? В целом это менее ясно. Но, во всяком случае, понятно, что он исключал фальшь, двойные стандарты, которыми наполнено всякое бытие, стремился к простоте отношений между людьми. В этой связи представляет интерес рассуждение автора дневников под впечатлением книги о Победоносцеве. По его словам, «как близко религия, „религиозные убеждения“ — к демонизму. И как легко ею оправдать все, что угодно. „Правота“ Флоровского, „правота“ Победоносцева. Это все та же „правота“ — людей, никогда не усомнившихся в себе, правота гордыни, мелочности, страха». И далее, развивая эту мысль, он писал через несколько дней: «Я глубоко убеждён, что подлинное религиозное чувство абсолютно несовместимо ни с каким „украшением“, ни с какими благочестивыми словесами. И когда христианство становится украшением, а не красотой, благочестием, а не верой, оно выдыхается».

В чем может заключаться интерес дневников А. Шмемана в наше время, когда мы переживаем столетие событий, которые и в самом деле потрясли мир? Как представляется, интерес весьма существенный. Сейчас принято говорить о кризисе нашего современного общества. Правильно было бы говорить не о кризисе, но о тупике. Это хуже, поскольку кризис предполагает преодоление, а тупик — отсутствие каких-либо перспектив. Фальшью звучит утверждение некоторых политологов и политтехнологов, что если мы и отстали в отношении современной науки и техники, то зато мы способны производить смыслы. На самом же деле, никаких смыслов, производящихся у нас, не видно, никаких перспектив на будущее нет. Сто лет назад условием подъёма общества и страны казалась революция, для которой действительно созрели объективные предпосылки, а общество имело силы и желание ее осуществить. Ныне целый ряд объективных предпосылок есть. Но субъективных предпосылок не видно, общество, как кажется, до предела разложено и атомизировано. Однако это «не видно» — не значит, что ничего не может произойти. Опыт истории показал, что даже в самых

консервативных сообществах возможно все, в том числе революционные взрывы и слом отжившей системы. В таких условиях такое наследие А. Шемана, как радикальное контенстаторство, может дать личности в нашем обществе представление о ее месте в событиях.